

Татьяна Фалина,
специалист по организации церковного
тюремного служения,
Нижний Новгород

Выйду на волю – Бога забуду?

Кому в тюрьме на самом деле нужны православные общины

Пасхальное богослужение в исправительной колонии №5 Нижнего Новгорода (храм в честь мучеников Виленских)

Возможно ли в условиях исправительных учреждений создать православную общину и есть ли в ней такая же необходимость в колонии, как на свободе? Так и хотелось бы с детской восторженностью ответить: конечно возможно и очень нужно! Однако когда дело доходит до практики, то многое способно такую восторженность приглушить...

Немного истории

«Однажды руководство колонии разрешило нам провести ночную пасхальную службу. Конечно, о том, что к нам, в наши леса и болота сможет приехать священник, даже мечтать не приходилось, но мы все равно были рады. Собрались в молельной комнате, все сообща помолились, а в полночь пошли крестным ходом, со свечками и пели пасхальные песнопения. Вроде бы ничего особенного, но ту Пасху и то чувство единения я потом вспоминал всю жизнь». Для человека, рассказавшего эту историю, маленькая православная община, сложившаяся в таежной колонии, стала отправной точкой в начале большого пути примирения с самим собой, Богом и близкими. Сколько вчерашних осужденных подобно ему, обретая веру, смогли изменить свою жизнь, никто никогда не подсчитывал. Да и возможны ли здесь подсчеты? Достаточно знать, что такие случаи не редкость, чтобы отнестись к православным общинам в заключении самым серьезным образом.

Кажется, что создавать религиозные общины в исправительных учреждениях стало возможно совсем недавно. А ведь первые из них возникли не меньше двадцати лет назад. Так что это явление уже стало частью истории и претерпело некоторые изменения. От людей, близких к тюремной теме вообще и к российской пенитенциарной системе в частности, можно услышать мысль о том, что любая колония — это уменьшенная копия государства. Все, что происходит в стране, в меньших масштабах происходит и здесь. Поэтому, когда в начале 1990-х верующие люди начали собираться в общины и организовывать приходы, искать помещения под молельные комнаты и по возможности начинать восстановление ближайших храмов, в колониях происходило примерно то же самое. Может быть,

с той поправкой, что в подавляющем большинстве зон никаких разрушенных храмов не было.

Именно тогда в колониях начинали обустраиваться молельные комнаты, формироваться православные библиотеки. Тогда же туда начали приходить священники-энтузиасты. И хотя поначалу эти начинания, как и любые изменения, воспринимались настороженно, впоследствии все быстро привыкли к такому положению вещей.

«А как им было не привыкнуть, когда мы приезжали каждую неделю и даже с ночевкой оставались, чтобы все, кто хотел, успели и исповедоваться, и побеседовать, и причаститься на Литургии? Молельная комната маленькая была, но мы все там умещались, в тесноте да не в обиде», — вспоминает монахиня Людмила, без преувеличений «ветеран» тюремного служения. Ей так много лет, что она уже не помнит, сколько точно, зато точно знает, что последние 20 лет для нее связаны с тюрьмой.

Следом за молельными комнатами началось почти массовое строительство тюремных храмов, ведь в большинстве колоний молельные комнаты уже не могли вместить всех верующих. Чтобы община могла расти и развиваться, нужен был храм. Для каждой колонии строительство собственного храма — это целая эпоха. Событие, с которым связаны надежды и ожидания, а значит, и немалый энтузиазм.

«Когда мы строили храм — это было очень счастлирое время, — рассказывает Александр, член православной общины ИК-9. — Формально мы, конечно, не обязаны были ничего делать, для работ нанимались специальные бригады. Но каждому хотелось хотя бы кирпичик положить своими руками. Приходили даже иноверцы. Так что, пока строился храм, община увеличилась в разы».

Сейчас и этот этап истории подходит к завершению. Храмы сегодня есть в подавляющем большинстве колоний. Как в реальности это сказалось на жизни православных общин в заключении? Многие сегодня вздыхают, что ожидаемого подъема так и не произошло.

«ДОБРАЯ ВОЛЯ»

— мы создали эту рубрику специально для тех, кто находится в местах заключения. Как не отчаяться и найти утешение, оказавшись за тюремной оградой? Как изменить себя и подготовиться к жизни с чистого листа? Что такое настоящая свобода и где ее искать? Обо всем этом читайте в нашей рубрике.

Не числом...

Однажды в феврале мы приехали в небольшую колонию на встречу с местной православной общиной, может быть, провести пару занятий

по основам Православия. Чтобы добраться до колонии, пришлось проехать около 300 километров, а в небольшой деревянный храм собралось всего семь человек.

«А где же остальные?» — спросила я.

«Так мы все здесь», — прозвучал внятный ответ.

Правда, затем у нас состоялся такой откровенный и серьезный разговор, ради которого и стоит заниматься тюремным служением, поэтому жалеть о малом числе пришедших на встречу даже в голову не приходило. И все же появился повод задуматься об истинных размерах тюремных общин.

Когда в колонии случается какое-то крупное православное мероприятие, будь то закладка храма или архиерейская литургия, то можно увидеть огромное количество верующих. Кажется, что это если не весь состав учреждений, то как минимум большая его часть. Однако это совсем не показатель истинных размеров местной православной общины.

«Крупные мероприятия — это всегда исключительный случай, — уверен дневальный храма Михаил. — Количество людей, регулярно приходящих на рядовые богослужения, значительно меньше, а уж если говорить о тех, кто приходит на ежедневные молитвенные правила, так их совсем единицы. Бывает, что в какие-то дни в храме, кроме дневальных, два-три человека».

«Мы в нашем храме тоже не особенно увлекаемся подсчетами, — соглашается с ним дневальный храма в другой колонии Василий. — Конечно, на какие-то службы народ собирается, бывают и те, кто просто прогуливается рядом с храмом и может

Крещение осужденных в исправительной колонии № 11 города Бор Нижегородской области (храм в честь иконы Божией Матери «Нечаянная радость»)

заодно зайти поставить свечку. Но это скорее какой-то сентиментальный момент, возможность отвлечься от окружающей действительности, а так людей, которые регулярно, раз от раза участвуют в службах, совсем немного».

Такое положение вещей кажется удручающим, но ребята относятся к этому философски:

«По факту соотношение получается, как и на воле, — между людьми, которые считают себя православными, и воцерковленными верующими. Это такой симптом времени», — поясняет Михаил.

«Насколько я могу судить, на свободе люди сейчас тоже очень разобщены, — предлагает свою

версию Василий. — Даже элементарно на бытовом уровне. Люди стали реже встречаться с друзьями, с близкими. Вместо душевных разговоров — короткие звонки или чтение новостей друг о друге в соцсетях. Жизнь стала такой мобильной, что мы теперь все индивидуалисты. Поэтому так трудно создаются любые сообщества».

Но дело не только в этом. Верующие люди из разных колоний повторяют одну и ту же мысль: в зоне создать общину трудно, иногда даже невозможно. И причина этого не какие-то внешние препятствия, а сама суть тюремной жизни.

«В колонии трудно кому-то доверять, трудно быть до конца откровенным, приходится постоянно взвешивать каждое свое слово. Это не очень располагает к общности, — поясняет Василий. — И все-таки хорошо, что есть хоть небольшое ядро — люди, с которыми мы встречаемся и можем совместно молиться, обсуждать какие-то вопросы духовной жизни. Это очень нужно здесь».

Рецепты для общины

На самом деле всё сказанное выше никаким образом не умаляет все достижения тюремного служения и тем более не ставит под вопрос необходимость такой деятельности. Скорее это тот факт, который необходимо понимать, чтобы правильно организовать миссионерскую работу. Велика или мала православная община той или иной колонии, а верующие все равно нуждаются в поддержке и внимании.

«Мне кажется, просто не нужно что-то искусственно выстраивать? — считает Михаил. — Надо понимать, в чем есть нужда. Например, кино клуб в колонии — возможность смотреть и обсуждать христианские фильмы привлекает многих, людям это интересно и нужно. Еще очень важно говорить не только о православии, но и рассказывать о других религиозных течениях, потому что у многих в голове каша и это очень часто уводит человека в сторону не только от православия, но и от здравого смысла. Надо искать возможности объяснять, рассказывать, учить чему-то. Хорошо, если есть лекторий и батюшка или катехизатор проводят беседы, но можно идти дальше, устраивать диспуты и семинары — это полезно и интересно».

«По моему опыту, достаточно трудно организовать что-то регулярное, — убежден Василий. — Возьмем, к примеру, образование. Теоретически очень интересно изучать основы веры. Но при попытке создать еженедельный лекторий число слушателей раз от разу снижается. И это не потому, что лекции неинтересные или люди ленятся. Просто почему-то не идет, долгосрочность убивает энтузиазм. Зато если время от времени проводятся разовые лекции, то интерес к ним очень большой и слушателей собирается много».

Но важнее, чем образование, создать в колонии такие условия, в которых люди могли бы хоть на какое-то время перестать «держаться лицом» — то есть забыть, где они находятся, и просто хоть немного побыть самими собой и насладиться простыми радостями человеческого общения.

«В нашей колонии в храме однажды крестили ребеночка! — вспоминает один из бывших осужденных Николай. — К одному из наших жена на

Пасхальное богослужение в исправительной колонии №5 Нижнего Новгорода (храм в честь мучеников Виленских) — первая Пасхальная служба в истории учреждения, на которой присутствуют родственники осужденных

свиданье приехала и малыша привезла, чтобы отец с ним пообщался. Ну и человек, естественно, захотел, чтобы сыночка крестили в колонии, чтобы самому присутствовать. Я тогда при храме работал и в крещении помогал — это была такая радость! Мы смотрели на этого новокрещеного младенца и улыбались как ненормальные....Так хорошо на душе было...»

В ИК-5 Нижнего Новгорода уже пару лет существует традиция — на праздничные богослужения пускать родственников осужденных. Чтобы люди могли помолиться рядом со своими близкими. Мне приходилось присутствовать на одном из таких праздников, и в этот момент не было никакого сомнения, что я нахожусь в общине. Ведь для родственников возможность познакомиться между собой и по возможности поддерживать друг друга тоже очень важна.

Может быть, настоящая община и не должна создаваться легко и быстро, а быть результатом долгого труда и веры?

В поисках смысла

«Посещая колонии, я чаще всего вспоминаю притчу о сеятеле. Действительно, мы должны сеять по мере своих сил и способностей, а семена взрастит Бог, это уже не наша забота». Много лет назад я услышала это от тюремного священника. Уже гораздо позже мне стало понятно, что такая позиция — лучший рецепт против выгорания и уныния от того, что все идет не так быстро и так хорошо, как хотелось бы. Потому что в колонии даже споры с Богом нужнее, чем всякое отсутствие мыслей о Нем.

«Вот не зря же говорят, что в местах скорби Господь ближе. Это действительно так, — рассказывает Сергей (он освободился несколько лет назад и теперь может сравнить свое нынешнее состояние и то, что было в колонии). — Понимаешь, мы там как-то подобрались все в нашей общине очень удачно. Молились помногу, горячо. Я сейчас так вот уже не умею. А тогда по несколько акафистов в день прочитывали легко, с удовольствием. Я сейчас понимаю, что такая тюремная вера — это подарок. Господь как бы дает тебе аванс, чтобы ты смог войти во вкус, понять, что к чему. К слову сказать, именно поэтому и существует миф, что людям, когда они из тюрьмы выходят, больше Бог не нужен. Мол, там-то все верующие, а на свободе враз все забывают. Это неправда. Вера у большинства как была, так и осталась, просто то, что раньше Господь даром давал, теперь приходится добывать собственным трудом, и многим это оказывается слишком тяжело. Но главное — что это все не зря, главное, что вера все равно остается».

Действительно, не стоит забывать о том, что, выйдя на свободу, человек оказывается под прессингом сразу множества обстоятельств: необходимость устроиться на работу, заново выстраивать отношения с близкими, создавать свою семью или искать подходы к повзрослевшим в его отсутствие детям, наверстывать упущенные знания о современном мире. Конечно, в таких условиях даже самая сильная вера может раствориться в житейской суете. И все же для многих слабеют только ее внешние проявления. Осознание смысла жизни, пришедшее однажды, уже никуда не денется. И это, действительно, главное... ✠